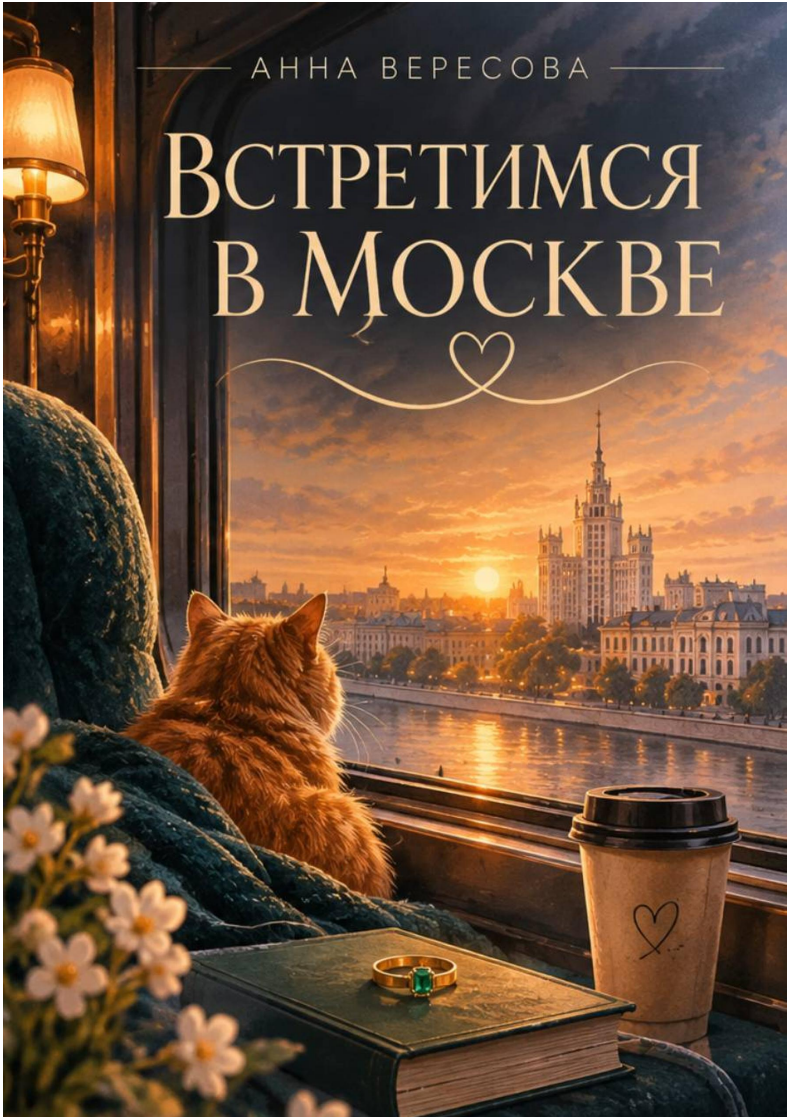

АННА ВЕРЕСОВА
ВСТРЕТИМСЯ В МОСКВЕ

Анна Вересова

Встретимся в Москве

https://litres.ru/75036212
SelfPub; 2026

Аннотация

Одно письмо из Германии, старинное кольцо с изумрудным камнем и билет на утренний «Сапсан». Даша едет в Москву, чтобы раскрыть тайну прабабушки и соединить две ветви своей семьи, разделённые войной. Она не ждёт ни чудес, ни новой любви и привыкла жить строго по плану — вот только судьба редко сверяется с нашим расписанием, и случайный сосед по вагону окажется связан с её историей гораздо теснее, чем можно представить.

Содержание

Глава 1. Жизнь по расписанию 4
Глава 2. Семейная тайна 11
Интерлюдия I. Дом на краю деревни (1943 год) 19
Глава 3. Письмо из прошлого 24
Глава 4. Случайный попутчик 33
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Анна Вересова
Встретимся в Москве

Глава 1. Жизнь по расписанию

В комнате раздавалось быстрое, энергичное клацанье клавиш, а на мониторе ноутбука в открытом окне рабочей почты стремительно появлялись строчки: *«Владимир, это непосильная нагрузка для бюджета, на данный момент у нас совершенно нет ресурсов, чтобы реализовать ваше предложение...»*

Даша всегда была требовательна к себе и окружающим и в рабочих вопросах проявляла особую, железную стойкость. Подчиненные ее любили за справедливость и готовность вникнуть в любую проблему, но при этом искренне уважали и старались не подводить. Жаль только, что за пределами офиса эта твердость куда-то исчезала — в обычной жизни она слишком легко позволяла садиться себе на шею.

На столе снова зазвонил телефон, и на экране высветилось имя «Кирилл». Даша недовольно поморщилась, нажала на кнопку ответа и сухо бросила:

— Только быстро, я занята.

Звонил ее бывший муж.

— А ты случайно не находила мой провод от приставки? — раздался в трубке его привычный, чуть растянутый голос.

Даша тихо фыркнула:

— Тебе он вот прямо сейчас, сию секунду нужен?

— Ну я просто спросил... Позвони, как освободишься и найдешь.

Она положила телефон на стол, сделала несколько глотков прохладной воды из стакана и постаралась вернуть себе равновесие. После развода, который оформили месяц назад, Кирилл звонил ей по два раза на дню с какими-то мелкими, нелепыми просьбами, дурацкими вопросами, а порой и просто для того, чтобы рассказать, как прошел его день. Даша неизменно и настойчиво напоминала ему, что они больше не семья и созваниваться в таком режиме больше не имеет смысла.

На самом деле ей было на удивление хорошо и спокойно в своей уютной питерской двушке в компании кота Аркадия. Этот пушистый контролер не давал заскучать ни минуты: днем он постоянно отвлекал ее от таблиц, деловито шурша фантиком или развалившись прямо поверх клавиатуры, а по вечерам своим тихим мурлыканьем разгонял любую грусть. Когда Даше звонили по телефону коллеги, поначалу многие искренне думали, что у нее есть маленький ребенок

— настолько отчаянно и требовательно Аркадий мяукал рядом с трубкой, пытаясь поучаствовать в каждом разговоре. Постепенно в офисе все привыкли, и теперь сотрудники как ни в чем не бывало передавали привет Аркадию, который то и дело мелькал в кадре на утренних видеозвонках.

После развода Даша впервые за долгие годы почувствовала настоящую, пьянящую свободу. Ей хотелось успеть сразу все: помимо привычных вечерних пробежек, вернуть в свое расписание тренировки по теннису, наконец-то заглянуть в книжный клуб, который собирался по четвергам в центре, и еще сотню разных мелочей, на которые в браке не оставалось ни настроения, ни душевных сил. Спасение других всегда отнимает слишком много ресурсов, а за чужими проблемами легко потерять саму себя.

В субботу утром позвонила подруга Алена:

— Не разбудила?

— Нет, конечно, ты же знаешь, что я рано встаю.

— М-м... Даш, а ты не хочешь за город со мной прокатиться? Или у тебя на сегодня планы?

— За город? Зачем?

— Да хотела вещи отвезти на дачу, вчера полночи рас-

хламляла шкафы. Подумала, вдруг ты захочешь немного развеяться.

Алена знала, что Даша недавно развелась, и, хотя сама Даша убеждала всех вокруг, что расставание пошло ей только на пользу и ей сейчас нравится побыть наедине с собой, подруги считали своим священным долгом вытаскивать ее из дома чаще обычного.

Даша на секунду задумалась, но, прикинув, что солнечный весенний день точно лучше провести на свежем воздухе, чем в четырех стенах, охотно согласилась.

Алена заехала за ней после обеда. Даша собрала в дорогу бутерброды и термос с горячим чаем, спустилась во двор и села в машину. Алена с хитрой улыбкой показала небольшой пакет с точно таким же перекусом — обе рассмеялись. Затем Даша обернулась на заднее сиденье, заваленное пакетами и коробками под самый потолок, и с комичным ужасом перевела взгляд на подругу:

— Ты что, решила полквартиры туда увезти?

Алена засмеялась и призналась, что завтра как раз собирается устроить себе большой шопинг и обновить гардероб к весне — и тут же пригласила Дашу за компанию. Даша с радостью поддержала идею.

Они доехали до дачи, дружно выгрузили все вещи, Алена обошла дом и участок, проверив, все ли в порядке после зимы, и они тронулись обратно в город.

Водила Алена всегда лихо — обожала разогнаться и включить музыку на всю громкость, так что Даша то и дело в шутку придерживалась за ручку двери и приговаривала:

— Слушай, гонщик, аккуратней на поворотах!

Алена работала мастером маникюра и обожала тестировать новые дизайны на собственных руках. Когда машина снова летела по загородной трассе мимо негустого весеннего леса, Даша случайно скосила взгляд на руль, разглядела необычный рисунок на ногтях подруги и с неподдельным интересом спросила, кивнув головой в сторону ее рук:

— Это что, инопланетянин?

Алена с расширенными от ужаса глазами принялась судорожно вглядываться в боковое окно на мелькающие за обочиной деревья, перевела встревоженный взгляд на Дашу и резко сбавила скорость. Даша в долю секунды считала ее мысли и покатилась со смеху, пояснив, что вообще-то имела в виду ее ногти.

Алена с громким облегчением выдохнула и тут же густо покраснела от отступившего испуга:

— Даша, фух... Ты хоть уточняй! Я уже совсем про него забыла. — Они обе хохотали еще несколько минут, пока Алена не вытерла выступившие от смеха слезинки. — Да, клиентка попросила такой дизайн на следующей неделе, я

вот наклейки купила, решила попробовать, как ляжет.

За веселой болтовней дорога пролетела незаметно. Машина остановилась у дома Даши, и подруги попрощались, договорившись встретиться завтра утром.

На следующий день они встретились у входа в большой торговый центр. Едва переступив порог, Даша с заговорщической улыбкой предложила начать с кофейни, но Алена с легким удивлением приподняла бровь:

— Я думала, мы пришли обновлять гардеробы!

— Ну, Ален, ты же знаешь: на голодный желудок совсем не то настроение для шопинга, — совершенно серьезно парировала Даша.

Алена на секунду задумалась, согласно кивнула — спорить с этим железным аргументом было невозможно — и подруги дружно свернули в сторону любимой кофейни.

Выпив ароматный кофе со свежей выпечкой, они неспешно гуляли по торговому центру, заглядывая в магазины и обсуждая весенние новинки, как вдруг в сумке у Даши зазвонил телефон. Звонила бабушка Лена. В трубке раздался ее спокойный, ровный голос: бабушка сказала, что сегодня они с мамой вернутся домой поздно, поэтому Даше лучше заехать к ней завтра, в понедельник, сразу после работы — но отдельно попросила, чтобы внучка пришла пораньше, пока Дашиной мамы Иры еще не будет дома.

Даша на мгновение нахмурилась — просьба показалась ей немного странной — и осторожно уточнила, не случилось ли чего, хотя в голосе бабушки Лены не слышалось ни капли тревоги. Бабушка тут же поспешила успокоить внучку: мол, ничего страшного, просто разбирала старые вещи в шкафу и нашла кое-что любопытное, хочет показать ей с глазу на глаз. Даша с облегчением выдохнула, пообещала быть ровно к шести и вернулась к подруге — остаток выходного в компании Алены прошел легко и весело.

Глава 2. Семейная тайна

Понедельник пролетел в привычной рабочей суете, но мысль о загадочной находке не отпускала Дашу до самого вечера. Даша приехала к бабушке сразу после работы, как та и просила накануне. Бабушка Лена встретила ее на пороге квартиры — мама Даши, Ирина, еще была на работе, и это было главным условием бабушки: поговорить наедине, пока никого нет дома.

— Привет, бабуль! — Даша поцеловала ее в мягкую щеку.

Бабушка нежно обняла внучку. Она всегда искренне радовалась ее приходу и не могла насмотреться, будто они не виделись целый год — хотя Даша заезжала к ней дважды в неделю. Бабушке Лене всегда удавалось с первых секунд считать настроение внучки и малейшие изменения в ее голосе или взгляде. Пока Даша снимала пальто и переобувалась в прихожей, бабушка уже ушла на кухню. Оттуда сразу донесся привычный шум закипающего на плите чайника и характерное шуршание целлофана. Дашу всегда немного забавляла и даже слегка раздражала эта бабушкина привычка заворачивать каждую мелочь в несколько слоев пакетов, но в глубине души она понимала: именно за такие трогательные странности она и любит ее больше жизни. Она всегда восхищалась бабушкой и ценила ее за редкую мудрость, терпе-

ние и бесконечную доброту — и всю жизнь стремилась соответствовать этой высокой планке. Бабушка однозначно была для нее лучшим жизненным ориентиром.

Пройдя на кухню, Даша присела к столу и, чуть повернувшись вполоборота, подхватила кухонное полотенце, съехавшее со спинки, чтобы перевесить его на соседний стул. Начали, как всегда, с главного.

— Как дела, бабуль? Как давление сегодня?

Недавно бабушке Лене исполнилось семьдесят пять, и к своему здоровью она относилась со всей серьезностью. Даша машинально заглянула в потертую общую тетрадь на краю стола: уже несколько лет бабушка два-три раза в день измеряла давление и старательно записывала цифры, указывая точную дату и время.

Даша взяла из вазочки печенье, продолжая разглядывать аккуратные строчки, но бабушка плавно отодвинула тетрадь в сторону и поставила перед внучкой чашку горячего чая.

— Ну, погода сегодня... сама знаешь — весь день моросит. С утра был туман в голове, но я уже приняла таблетки, сейчас все нормально. — Бабушка присела напротив, на секунду замялась и тихо добавила: — Даша, я хотела с тобой поговорить.

Даша по привычке потянулась к телефону, решив, что бабушка сейчас попросит посмотреть прогноз погоды на зав-

тра, магнитные бури или уточнить девичью фамилию и день рождения какой-нибудь певицы — такие вопросы звучали почти в каждый ее приезд. Но бабушка вдруг поднялась и поспешила в комнату, бросив на ходу:

— Посиди-ка, я сейчас вернусь.

Из комнаты донесся шорох старых бумаг и газет, а затем что-то глухо стукнуло об пол.

— Бабуль? — окликнула ее Даша.

— Да-да, все нормально, пульт уронила!

Через минуту бабушка вернулась на кухню и положила на стол несколько небольших свертков. Один из них она принялась медленно разворачивать — он, разумеется, был бережно упакован сразу в несколько прозрачных пакетиков.

— Моя мама, твоя прабабушка Аня, была очень красивой женщиной... Ага, вот оно, — негромко проговорила бабушка, извлекая из шелестящего плена старую карточку, и протянула ее Даше.

На чуть пожелтевшем от времени снимке была запечатлена молодая девушка с длинной, невероятно густой косой. Русые волосы обрамляли чистое лицо с чуть пухлыми губами и яркими, выразительными глазами. На ней не было ни грамма косметики, но ее образ притягивал внимание и вре-

зался в память навсегда. В ее пронзительном взгляде читались тихая доброта и не по годам глубокая мудрость, но само лицо на этом послевоенном снимке оставалось удивительно свежим — сложно было даже представить, как после всего пережитого можно было сохранить такую светлую красоту.

Даша уже видела это фото много лет назад, еще когда училась в школе, и хорошо помнила лицо прабабушки. Она осторожно положила снимок на стол, заметив, что бабушка уже готовится достать следующий.

— А это мой брат, — тихо произнесла она, протягивая вторую карточку.

На снимке была все та же Аня, но словно из другой, более ранней и тяжелой жизни — заметно похудевшая, с изможденным лицом и тихой, безысходной тоской. У нее на коленях сидел светловолосый малыш, совсем еще кроха — едва ли старше года, а в глазах самой Ани стояли невыплаканные слезы. От этого взгляда щемило сердце: казалось, она уже в ту минуту предчувствовала скорую разлуку и понимала, что держит сына на руках в последний раз.

— Коля? — с легким недоумением переспросила Даша, вглядываясь в лицо ребенка.

Что-то не сходилось. Младший брат бабушки, дядя Коля, умер пару лет назад, и Даша прекрасно помнила его детские фотографии в семейном альбоме. На этом снимке был со-

всем другой мальчик.

Даша подняла глаза на бабушку и замерла: в глазах пожилой женщины застыли слезы. Бабушка медленно отвела взгляд к окну, словно собираясь с силами, и глухо произнесла:

— Мой старший брат.

Даша на мгновение потеряла дар речи от неожиданности.

— Старший?.. — с трудом выдохнула она спустя минуту.

— Александр, — кивнула бабушка и начала свой рассказ. — Их в семье было трое сестер: Надежда, Нина и твоя прабабушка Аня. Мама была самой красивой из них. И когда в их деревню вошли немцы, Вернер — офицер, под чьим командованием стояла часть, — сразу выделил именно ее.

Даше стало не по себе, по спине пробежал холодок. А бабушка продолжала, периодически делая долгие, тяжелые паузы — каждое слово давалось ей с огромным трудом.

— Жили они впроголодь, ели одни очистки, то, что удавалось найти на поле, да объедки со стола. А маме благодаря Вернеру перепадала и нормальная еда. Родные сестры ей страшно завидовали, а она пыталась выжить. Эту правду мама открыла мне только перед самой смертью... Говорила, что по-настоящему полюбила Вернера и сердцем чувствова-

ла, что он тоже любит ее. Открыто забрать ее к себе он не мог — время было такое, не простили бы ни свои, ни чужие, — поэтому жила она в тех же условиях, что и сестры. А когда стал заметен живот, те совсем озлобились. От него у мамы на память осталось только вот это кольцо — она его всю жизнь прятала от чужих глаз.

Бабушка развернула еще один маленький сверток и положила на стол крошечный потертый мешочек, из которого показалось старинное золотое кольцо с небольшим зеленым камушком.

— Война закончилась, Саше едва исполнился год, когда Вернер забрал его с собой в Германию, — голос бабушки дрогнул. — Мама понимала, что в разрушенной стране сама она его не вытянет, не сможет ни прокормить, ни дать ему будущего. Но пережить эту разлуку так и не смогла. Знаешь, в детстве я часто видела по ночам — выглянешь тихонько из-за угла прихожей, когда все уже спят, а она сидит на кухне и тихо плачет. А я по-детски думала: просто устала за день или это мы с братом опять где-то напакостили и расстроили ее. И только в самом конце поняла, что это была за боль. Боль матери, у которой навсегда отняли сына.

Даша не заметила, как по ее щекам тоже покатились слезы. Она плакала молча, стараясь не всхлипывать, но предательская пелена застилала глаза и никак не хотела останавливаться. Слишком многое вдруг встало на свои места —

даже тяжелая, мучительная смерть прабабушки Ани от рака желудка, ставшая запоздалой расплатой за те страшные голодные годы. Бабушка как-то вспоминала, что даже спустя десятилетия после войны обычная гречневая каша, которую когда-то выдавали по карточкам для восстановления истощенных людей, оставалась для прабабушки самым вкусным и желанным лакомством на свете.

Бабушка Лена промокнула глаза бумажной салфеткой и глубоко вздохнула, возвращая лицу привычное спокойствие. Она была человеком старой закалки, невероятно сильным, и никогда не позволяла себе расклеиваться. Даша вообще не помнила, чтобы видела ее плачущей — даже сегодня бабушка позволила себе не больше минуты слабости. И Даше отчаянно хотелось быть хоть наполовину такой же стойкой. Она всегда знала, что настоящая глубина чувств, сострадание и великодушие редко выставляются напоказ.

— Я рассказала тебе это, потому что хочу, чтобы память жила, — негромко сказала бабушка, придвигая к Даше фотографии и мешочек с кольцом. — Возьми их себе на хранение. И вот это тоже...

Она достала из последнего свертка небольшую шкатулку с несколькими золотыми украшениями — серьгами и кольцами, которые сама покупала долгие годы для себя, дочери и внучки, мечтая, чтобы они передавались в семье по женской линии.

Даша растерялась и долго отказывалась, убеждая бабушку оставить все у себя, но та была непреклонна.

— Ой, брось ты. Даш, дочь, твоя мама, Ира, вряд ли сейчас это поймет, — мягко, без упрека пояснила бабушка. — Она у нас сама еще как ребенок, все ищет себя... А ты сбережешь, передашь уже своим детям.

Даша молча кивнула, постепенно осознавая масштаб только что открывшейся истории. Ответственность давно стала для нее привычным состоянием, но эта настоящая семейная тайна, о которой она не подозревала всю жизнь, пока с трудом укладывалась в голове. Она бережно завернула фотографии, мешочек с кольцом и шкатулку обратно в те самые шуршащие пакетики и убрала в сумку. В прихожей уже щелкнул замок входной двери — с работы возвращалась мама, а на кухне снова стало тихо и по-домашнему привычно, только прежним мир для Даши уже не был.

Интерлюдия I. Дом на краю деревни (1943 год)

Когда в их деревню вошли немецкие части, время словно раскололось надвое. Вчерашняя привычная жизнь оборвалась в одно утро, уступив место глухому страху, комендантскому часу и постоянному, сосущему голоду. Трех сестер — старшую Аню и младших Надежду и Нину — поселили в тесной, старой избе на отшибе.

Надежду и Нину с рассвета до темноты гоняли на тяжелые работы — под палящим солнцем и холодными летними ливнями копать траншеи и укрепления. Аню же, тихую и невероятно терпеливую, определили наводить порядок в самом большом и крепком доме в центре деревни, который занял офицер, командовавший местным гарнизоном, — Вернер. В дом ее взяли не случайно: Аня еще со школы неплохо знала немецкий и могла без переводчика понимать любые хозяйственные распоряжения.

В первый же день он велел позвать ее к себе в комнату. Аня вошла бесшумно и замерла у самого порога, опустив глаза в пол, стараясь не смотреть на чужую форму. Пока в комнате находились ординарец и еще двое военных, Вернер говорил сухо и коротко, отдавая приказы. Но едва за солдатами закрылась дверь, в горнице повисла тяжелая тишина.

Вернер подошел к столу, уставленному хлебом, маслом и горячим мясом — от одного этого запаха у Ани закружилась голова, а желудок болезненно свело судорогой. Он жестом указал на стул и тихо, без прежнего командного тона произнес:

— Садитесь. Поешьте.

Аня даже не шелохнулась — только сильнее сжала пальцы, по-прежнему не поднимая глаз от пола. Вернер смотрел на нее несколько секунд, потом тяжело вздохнул, не повышая голоса и не пытаясь приказать. В его тоне не было ни хозяйского высокомерия, ни привычной для завоевателей снисходительности — только усталая, горькая растерянность человека, оказавшегося по ту сторону чужой беды.

— Я знаю, что вы не хотите брать ничего из моих рук, — негромко сказал он. — Но я не могу остановить эту войну и не могу изменить приказы сверху. Здесь я бессилен.

— Я тоже, — едва слышно ответила Аня, не поднимая взгляда, развернулась и тихо вышла за дверь.

Вернер еще долго стоял посреди комнаты один, заложив руки в карманы кителя и глядя в мутное оконное стекло на пустую пыльную улицу.

В следующие дни он еще несколько раз пытался усадить ее за стол, но Аня упрямо отказывалась, твердя одно: ей ничего

не нужно, она будет жить впроголодь, наравне со всеми — и прежде всего со своими сестрами.

Однажды вечером, когда в доме никого не осталось, Вернер преградил ей путь к двери и впервые заговорил жестче — не со злостью, а с отчаянием человека, который пытается спасти упрямого ребенка:

— Послушайте меня, Анна. Я не могу открыто кормить ваших сестер и всю деревню. Если об этом узнают в штабе, слухи разлетятся за один день — меня лишат звания и отправят под трибунал, а вас и ваших сестер ждет судьба куда страшнее голода. Вы должны думать о себе и выжить.

Аня впервые подняла на него глаза — большие, светлые, полные такой тихой, недетской боли, что у Вернера сжалось сердце. Видя, что она все равно не станет есть одна, зная, что дома умирают от истощения сестры, он придумал выход: каждый вечер заворачивал в плотную бумагу хлеб, кусок сала или вареный картофель и клал сверток у порога кухни.

— Возьмите это, — тихо говорил он. — Скажете сестрам, что умудрились стащить, пока денщик отвернулся. Так им не в чем будет вас упрекнуть.

Аня согласилась только ради Надежды и Нины. Каждый день она приходила в дом Вернера топить печь, мыть полы и стирать белье, а вечером приносила в узелке еду. Но вместо благодарности в холодной избе ее встречали колючие, пол-

ные зависти взгляды. Сестры видели, что Аня весь день проводит в тепле, под крышей, пока они надрываются на холоде, и с каждым днем в них копилась глухая, злая обида. Аня молчала, сносила их упреки и колкости, стараясь просто пережить это страшное время и не сломаться.

Спустя долгие годы, когда война давно осталась позади, а взрослые тетки изредка присматривали за маленькой Леной, эта старая обида все равно прорывалась наружу. Стоило девочке закапризничать или попросить лишний кусок сахара, как Надежда или Нина кривили губы и роняли с едкой усмешкой: *«Конечно, твоей-то маме всегда везло, не то что нам...»* — и принимались выговаривать семилетней племяннице все, что годами болело в душе. Маленькая Лена хлопала глазами и искренне не понимала, почему родные тетки так недолюбливают ее тихую, добрую маму.

А тогда, летом сорок третьего, между Аней и Вернером постепенно, почти незаметно для них самих, родилось то, чего не должно было случиться по всем законам войны. Это не было вспышкой страсти — это было тихое узнавание двух родственных душ посреди ада. Аня видела, как искренне Вернер интересуется ее жизнью, как сочувствует ее народу, как по вечерам, закрывшись в комнате, мучается совестью оттого, что не в силах защитить беззащитных людей прилюдно. В его глазах она была не бесправной местной девчонкой, а человеком — живым, гордым и невероятно сильным. И однажды вечером, когда он снова поставил перед ней кружку

горячего чая и осторожно коснулся ее озябших пальцев, Аня не отдернула руку.

Глава 3. Письмо из прошлого

В один из апрельских будней Даша как обычно работала из дома. День шел своим привычным, размеренным чередом: таблицы, согласования, письма на рабочей почте. Ближе к полудню Даша заметила, что экран телефона на столе мигнул — пришло уведомление из социальной сети от незнакомого профиля. Сообщение начиналось с короткой фразы: *«Здравствуйте, меня зовут Лукас...»*

Даша мельком взглянула на экран, но открывать не стала: через минуту начинался важный рабочий видеозвонок. Она лишь недовольно нахмурилась — *«А это что еще за бред?»* — и погрузилась в обсуждение поставок.

Спустя час, когда звонок закончился, Даша решила сделать небольшой перерыв и пошла на кухню сварить кофе. Захватив со стола телефон, она положила его на обеденный стол, заправила кофемашину, повернулась спиной к столешнице и, сложив руки на груди, стала ждать, пока загудит и польется в чашку горячий напиток. Взгляд снова упал на экран телефона — вспомнив о странном сообщении, она все-таки разблокировала его и открыла переписку.

Быстро пробежавшись глазами по первым строчкам, Даша замерла. Словно не до конца веря прочитанному, она принялась перечитывать текст во второй раз — уже медленно и вдумчиво. Письмо было написано на русском, но сразу

бросалось в глаза, что автор пользовался онлайн-переводчиком: некоторые слова стояли в непривычном порядке, а отдельные обороты звучали чуть ломано и не совсем точно по смыслу.

Незнакомец представлялся Лукасом и писал, что он ее родственник из Германии. Он рассказывал, что сейчас восстанавливает семейное древо, и очень хотел бы встретиться лично — а если Даша позволит, то взглянуть на фотографии ее прабабушки Анны и сделать копии для своего семейного архива. Все подробности он обещал рассказать при встрече. Лукас уточнял, что в этом месяце планирует прилететь в Москву по личным делам, но главной целью этой поездки для него стала бы возможность поговорить с ней или с кем-то из ее родных — мамой или бабушкой, если они согласятся на эту встречу.

К сообщению был прикреплен скан старой архивной карточки времен войны, где сохранились учетные данные о ее прабабушке. Совпадало все до последней буквы: фамилия и имя, дата и место рождения, прежний адрес, состав семьи — имена родителей и даже скупые пометки о перемещениях в сорок четвертом — сорок пятом годах.

Даша снова и снова перечитывала письмо, совершенно не понимая, как эти строчки вяжутся с привычной реальностью. Если это мошенники, то откуда у них архивные документы и какую цель они вообще преследуют? В самом конце Лукас писал, что очень надеется на ответ, и просил сооб-

щить, удобно ли ей вообще в этом месяце приехать в Москву, и если да — то какого числа.

Покопавшись в интернете и не найдя ни одного логичного довода в пользу обмана, Даша поняла, что сама с этим не справится — нужно ехать к своей мудрой и рассудительной бабушке. Остаток рабочего дня тянулся бесконечно: мысли то и дело возвращались к тексту письма, а к вечеру между бровей, казалось, предательски прорезалась глубокая складка от напряжения.

Выключив наконец компьютер и ласково сообщив Аркадию, что вернется не поздно, Даша быстро оделась и поехала к бабушке Лене. В метро мысли продолжали крутиться по кругу, и она сама не заметила, как проехала две лишние остановки. Досадливо вздохнув от собственной растерянности, она вышла на платформу и пересела в поезд напротив.

Добравшись до бабушкиной квартиры, Даша поспешно скинула куртку и ботинки и прошла на кухню. Бабушка по привычке уже потянулась к плите, чтобы поставить чайник, но Даша мягко остановила ее за плечо и усадила на стул, пока не началась привычная суета:

— Погоди, бабуль. Сначала послушай.

Она открыла телефон и медленно прочитала письмо вслух, показав следом архивную карточку. Бабушка молчала, подперев подбородок рукой и задумчиво глядя на Дашу. Даша не выдержала долгой паузы и первая нарушила тиши-

ну:

— Ну, что думаешь?

Бабушка задумчиво покачала головой, все-таки поднялась и поставила чайник на конфорку, а затем повернулась к внучке:

— Даш, ну я ведь не разбираюсь во всех этих ваших современных хитростях, вы молодые лучше в этом понимаете. Может, как-то проверить можно — позвонить ему.

— И что с того, что мы позвоним? — вздохнула Даша. — По телефону можно наврать точно так же, как и в сообщении.

— А если просто приехать и посмотреть? — тихо рассуждала бабушка. — Что там может случиться плохого, если вы встретитесь, например, в людном месте? Ты ведь все равно двадцать седьмого числа собиралась туда на работу — ну приедешь на день раньше.

Постепенно до бабушки стал доходить весь смысл этих строчек. Она замолчала, и глаза ее вдруг заблестели от подступивших слез:

— А вдруг... вдруг я наконец узнаю, как сложилась судьба у Саши?..

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга, каждая погруженная в свои мысли. Потом бабушка решительно кивнула, словно окончательно все для себя решила, подошла к холодильнику и достала оттуда свой зеленый кожаный кошелек, который Даша когда-то подарила ей на день рождения — бабушка давно такой хотела. Вынув несколько купюр, она положила их на стол перед Дашей:

— Вот, тебе на поездку.

— Бабушк! — закатила глаза Даша и серьезно, но беззлобно возмутилась: — Ну мне же и так дорогу по командировке оплачивают! Куда ты мне это пихаешь? Убери обратно.

Бабушка упрямо не стала забирать деньги, но Даша так же настойчиво отодвинула купюры ближе к окну. В итоге они договорились, что Даша напишет Лукасу и назначит встречу на двадцать шестое апреля.

Ответ пришел почти мгновенно: Лукас написал, что конечно согласен и очень рад, что она откликнулась. Следом он прислал название и адрес кафе в центре Москвы, уточнив, удобно ли ей будет увидеться там, и предупредил, что придет вместе с переводчиком — сам он совсем не говорит по-русски, а его английский, к сожалению, слишком слаб для такого важного разговора. Даша подтвердила, что ее все устраивает.

Перед уходом они с бабушкой твердо договорились пока ничего не рассказывать маме: Ира была человеком слишком эмоциональным и впечатлительным — сразу начались бы бесконечные «а если...», лишняя суета и бурные переживания. Решили, что поставят ее перед фактом уже после того, как встреча пройдет и все встанет на свои места.

До поездки оставалась ровно неделя — пожалуй, самая нервная неделя за последние годы. Обычно Даша собиралась в московские командировки абсолютно спокойно, давно привыкнув к ним как к приятной рабочей рутине, но в этот раз внутри поселилось глухое волнение.

На следующее утро, едва Даша успела налить себе кофе, зазвонил телефон — звонила бабушка Лена. Было слышно по ее тихому, чуть уставшему голосу, что всю ночь она не спала и мысленно возвращалась к вчерашнему разговору.

— Даш, ты не спишь уже? — мягко спросила она. — Я знаешь что подумала... Я когда-то видела по телевизору программу, ну по этому каналу — четверка перевернутая, — что в Европе в семьях берегут старые кольца и передают их по наследству. У нас с тобой свои женские реликвии остались, а у Саши с сыном на память о маме ведь совсем ничего нет... В общем, так: ты присмотрись к нему там, поговори. Если почувствуешь, что все это правда и перед тобой наш человек, — отдай им мамино кольцо. Пусть оно останется у них.

Даша прекрасно понимала, чего стоило бабушке это ре-

шение: пусть у них в семье и сохранились другие вещи матери, именно это кольцо оставалось единственным осязаемым напоминанием о старшем брате и всей той непростой части их истории. Возражать ей даже не пришло в голову — она только тихо, твердо пообещала выполнить бабушкину просьбу.

Неделя пролетела незаметно. Вечером накануне отъезда Даша собрала дорожную сумку: аккуратно уложила во внутренний боковой карман конверт с фотографиями прабабушки и потертый мешочек с кольцом, а сверху положила свою библиотечную книгу Бакмана, которую планировала дочитать в дороге.

Утром, перед самым выходом, к ней приехала бабушка Лена — посидеть с Аркадием. Кот бабушку обожал: ему удивительно передавался ее спокойный, размеренный ритм, поэтому всякий раз, когда Даша уезжала из города больше чем на один день, именно бабушка становилась для него лучшей нянькой.

Пока Даша проверяла сумку у зеркала в прихожей, бабушка стояла рядом и негромко, будто себе под нос, но так, чтобы внучка точно услышала, перечисляла:

— Паспорт, фотографии, кольцо... И очки свои не забудь, опять зрение испортишь за своим компьютером...

Даша улыбнулась от этой привычной, такой родной заботы, и тревога внутри сразу немного отпустила. Она наклони-

лась и поцеловала бабушку в мягкую щеку, следом чмокнула тершегося у ног Аркадия в пушистый лоб между ушками, подхватила сумку и вышла на лестничную площадку. За спиной тихо щелкнул замок, и сквозь дверь донеслось привычное бабушкино напутствие:

— Помоги тебе Господи...

До отправления «Сапсана» оставалось еще больше получаса, когда Даша вошла в зал Московского вокзала. Перед поездом она почти всегда заглядывала в «Буквоед» буквально на пару минут — но, как правило, увлекалась и задерживалась дольше. На этот раз на одном из стеллажей ее взгляд зацепила книга «Хроники странствующего кота». Даша сама читала ее пару месяцев назад, взяв в библиотеке, и история оставила в душе очень светлый, глубокий след.

Она сразу вспомнила о московской коллеге Рите. Рита жила одна, и Даша при каждой встрече уговаривала ее завести домашнего питомца: ей казалось, что без кота или собаки в доме нет настоящего уюта, а возвращаться вечером в тихую, пустую квартиру, где тебя никто не ждет, всегда немного грустно. Но Рита каждый раз отмахивалась, говорила, что подумает, и уверяла, будто не верит, что животные способны по-настоящему привязываться к человеку, а уж тем более — лечить душу. Именно поэтому выбор Даши пал на эту книгу.

Оплатив на кассе подарок для Риты и плитку темного шоколада в дорогу, Даша убрала покупки в сумку и вышла из

магазина, направляясь к перрону.

Глава 4. Случайный попутчик

Даша привыкла всюду приходить заранее, и эта поездка не стала исключением. За полчаса до отправления «Сапсана» она уже стояла на перроне Московского вокзала, вдыхая прохладный апрельский воздух. Когда через десять минут открыли посадку, она спокойно предъявила паспорт, вежливо поблагодарила проводника и прошла в свой вагон.

Сняв черное пальто и мягкий сиреневый шарф, Даша устроилась у окна. Все ее движения были отточенными и привычными: она достала очки для чтения, выложила на откидной столик телефон, упаковку влажных салфеток и книгу с аккуратной закладкой. Тщательно протерла руки, открыла страницу и тут же погрузилась в чтение.

Минут через десять рядом раздалось негромкое, вежливое:

— Здравствуйте. Я Максим.

Даша удивленно подняла глаза. Ей довольно часто приходилось ездить между Петербургом и Москвой, но попутчики редко утруждали себя элементарным приветствием.

— Дарья, — коротко ответила она, кивнув, и мельком взглянула на соседа.

Она незаметно наблюдала за незнакомцем, и где-то внут-

ри сразу возник странное, спокойное чувство — словно она знала этого человека давным-давно. Наверняка снова сработала ее безошибочная интуиция: рядом сидел культурный, ненавязчивый человек, который не станет лезть в душу с глупыми расспросами или неуместным флиртом.

Скосив взгляд на столик, Даша разглядела обложку его книги — «Тысяча сияющих солнц» — и еле заметно улыбнулась. Сосед тут же это заметил.

— Неужели эта книга вызывает у вас улыбку? Я слышал, она довольно тяжелая, — с легким удивлением спросил он.

— Я читала все три романа Хоссейни, но знакомство с ним началось именно с этой книги, — ответила Даша, снимая очки. — Просто удивилась: нечасто встретишь в поезде мужчину с хорошей литературой, тем более с такой пронзительной.

Он с интересом посмотрел на ее экземпляр «Тревожных людей» с потертыми уголками и загнутыми страницами.

— А я вот люблю Бакмана, правда, читал у него другую вещь. Судя по виду, эта книга прошла с вами через многое?

Даша усмехнулась, раскрыла том на случайной странице и развернула к нему. На полях красовался весьма двусмысленный рисунок шариковой ручкой.

— Я взяла ее в библиотеке, — пояснила она с совершенно серьезным видом. — Вряд ли я бы такое нарисовала, тут явно трудился настоящий художник.

Они оба рассмеялись, а затем Максим с любопытством уточнил:

— В библиотеке? А почему не читаете с телефона?

— Почему-то я не люблю электронные книги, так и не приучила себя к ним, предпочитаю шелест страниц, — просто ответила Даша. — Ну а если каждый раз покупать понравившуюся книгу, придется обзавестись отдельной квартирой для их хранения.

Максим улыбнулся, одобрительно качнув головой:

— Знаете, в наше время нечасто встретишь человека, который помнит о существовании библиотек.

С этой секунды невидимая стена между ними окончательно рухнула. Поезд уже набрал ход, за окном мелькали весенние пейзажи, а они говорили обо всем на свете. Обсуждали книги, любимое кино — и с каждым словом Даша все больше поражалась тому, насколько точно совпадают их вкусы, мысли и даже интонации. Общение текло так легко и естественно, будто они были давними друзьями, которые наконец встретились после долгой разлуки и спешили поделиться новостями. В разговоре она вскользь упомянула, что едет в Москву по рабочим вопросам и завтра весь день, с девяти до пяти, проведет в центральном офисе компании «Икс» —

накопилась куча бумаг, которые нужно подписать лично.

Когда мимо проходил стюард с тележкой и Даша собралась заказать кофе, попутчик опередил ее, предложив угостить. Она на мгновение растерялась от непривычного жеста, но мягко кивнула и поблагодарила.

За кофе разговор стал еще глубже. В какой-то момент, выслушав ее очередное точное замечание о жизни, он задумчиво посмотрел на нее и вдруг спросил:

— Простите за прямоту, но сколько вам лет?

Даша едва не поперхнулась горячим кофе и осторожно поставила стаканчик на столик.

— Не в бровь, а в глаз, — засмеялась она, приходя в себя. — Думаю, мы примерно ровесники. Сколько вам, Максим?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.